

*ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
СОТРУДНИЧЕСТВО С ВРАГОМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ*

С.Г. СТЕПАНЕНКО

*Кубанский государственный технологический университет
350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская 2
электронная почта:stepik71@mail.ru*

В статье рассматривается одна из проблем коллаборационизма в годы Великой отечественной войны, а именно вопрос привлечения к ответственности пособников военных преступников из числа местного населения. Обращается внимание на некоторые из аспектов довоенного развития нашей страны, несомненно повлиявшие на последующие военные и послевоенные годы. Отмечается политизированность преследования за военные преступления и пособничество в них, неоднозначность позиции советского руководства к реализации ответственности на разных этапах войны. Дается общая характеристика мер, предпринимаемых советским и партийным руководством, военным командованием и иными структурами для выявления и привлечения к ответственности гитлеровских военных преступников и их пособников как внесудебными органами, так и организацией и проведением публичных показательных судебных процессов.

Ключевые слова: военные преступники и их пособники, измена Родине, коллективная ответственность за преступления, внесудебные репрессии, показательные судебные процессы

Реальностью всех войн является переход на сторону противника части населения оккупированного государства. В Советском Союзе ситуация была усугублена тем, что всего за два десятилетия до Великой Отечественной войны закончилась гражданская война, являющаяся отражением раскола, произошедшего в обществе. Последующие мирные годы характеризуются, на наш взгляд, двумя противоречивыми тенденциями: с одной стороны, происходит сплочение советского народа под руководством ВКП(б), с другой стороны растет количество недовольных, «обиженных» советской властью. Предпосылки коллаборационизма советских граждан следует искать в том числе и в тех мерах, которые были предприняты Советским правительством – борьба советской власти с политическим инакомыслием, религиозным влиянием, а также процессами коллективизации. Не последнюю роль в этом процессе сыграли так называемое раскулачивание и расказачивание,

проведенные в 30-х годах. Заинтересованность советского партийного руководства в коллективизации крестьянства привело к тому, что во многих районах было раскулачено от 10 до 15% всех крестьянских хозяйств.

За первые два года (1930 – 1931) «сплошной коллективизации» было раскулачено и сослано в отдаленные районы (осуждены, сосланы либо высланы) порядка 4 млн. человек[1; 127]. Советская власть в 1932г. под предлогом выполнения плана хлебозаготовок в ряде районов забирает всю имеющуюся пшеницу, включая посевную. В результате этого зимой 1932-1933гг. вспыхивает голод, унесший, по различным данным, от 4 – 4,5 млн [1; 125]. до 8 млн. человек[2; 361].

Последующие репрессии в 1937 – 1938 гг. затронули не только партийную и военную элиты, но коснулись и простых граждан. В эти годы органы НКВД арестовали 1 345 тыс. человек, из них 681 тыс. расстреляна, 115 тыс. погибли под пытками во время следствия или умерли в тюрьмах и лагерях[3; 435]. Только по линии ОГПУ - НКВД в Краснодарском крае в 1930-е г. репрессировали 42 тыс. человек[4; 135]. Число выселенных из сельских районов Кубани в конце 1932 -начале 1933 гг. достигло 63,5 тыс. человек[5]. По подсчетам английского историка Р. Конквеста, от голода в 1933 г. на Северном Кавказе умерло до 1 млн. человек[6; 86].

Нарком иностранных дел СССР Молотов после Великой Отечественной войны объяснял необходимость репрессий следующим образом: «1937 год был необходим... остатки врагов разных направлений существовали и перед лицом грозящей фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны. Ведь даже среди большевиков были и такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но если начнется что-нибудь, они дрогнут, перевернутся... тот террор, который был проведен в конце 30-х годов, он был необходим»[7; 9]. Следует заметить, что данная оценка была сделана уже после окончания войны, а в годы проведения «чистки рядов» СССР и Германия достаточно тесно сотрудничали между собой. Можно предположить,

что репрессиями предвоенных лет был достигнут и результат, прямо противоположный ожидаемому советским руководством. Вместо сплочения рядов советских граждан вокруг партии, достаточно большая часть населения восприняла «чистку рядов» как потенциальную угрозу своему привычному существованию.

Таким образом, для устранения потенциальной «пятой колонны» сотни тысяч человек были принесены в жертву. За два года репрессий (1937 – 1938) было арестовано 1 372 392 человек, из них более половины расстреляно [8; 101]. И действительно, в СССР, в отличие от ряда европейских держав Западной или Юго-Восточной Европы, оккупированных фашистской Германией, заранее подготовленной «пятой колонны» создать не удалось. Поэтому уже в ходе войны фашистской политической и военной элите пришлось приспособлять свои довоенные взгляды на национальный вопрос в СССР под конкретные условия и несколько корректировать методику его использования. В определенной мере ее должны были заменить представители антикоммунистической эмиграции, которые выехали из бывшей Российской империи в ходе и после окончания Гражданской войны. Со многими представителями этих эмигрантских кругов нацисты установили и поддерживали отношения еще до своего прихода к власти. В ходе же подготовки и после начала осуществления плана «Барбаросса» желание нацистов иметь в СССР действенную «пятую колонну» и желание эмигрантов вернуться на родину в качестве хозяев совпали. В оккупированные фашистами казачьи районы были доставлены старые белогвардейские генералы П.Н. Краснов и А.Г. Шкуро. Гитлеровцы пытались выделить на Кубани «казачий округ», отделы во главе с атаманами[9; 461].

Расказаченные, раскулаченные, подвергшиеся политическому террору советские граждане стали контингентом, наиболее расположенным к сотрудничеству с врагом.

Вопрос необходимости привлечения казаков и использования их в своих целях германским правительством четко и недвусмысленно выразил И.Я.

Куценко в своей монографии «Кубанское казачество»: «...та часть казаков, которая четверть века тому назад являлась оплотом монархии, потом – ударной силой белогвардейщины и которая была озлоблена на Советскую власть за расказачивание и коллективизацию, окажет немецкой армии помощь, а после разгрома СССР примет на себя привычные военно-полицейские функции»[9; 461].

Для повышения заинтересованности и привлечения на свою сторону затаившихся до удобного случая соратников, в июле 1942 года П. Краснов составляет проект «грамоты» Гитлера казакам, в которой обещаются прежние сословные «права и преимущества», если они пойдут за фашистами...[9; 461]

Таким образом, накануне войны в Советском Союзе насчитывалось немало людей, в той или иной мере несогласных с действиями его руководства или пострадавших от них. Революция и Гражданская война, коллективизация и раскулачивание, национальная и религиозная политика, массовые репрессии и депортации создали достаточно причин для недовольства советским режимом.

С учетом рассмотренных выше обстоятельств и надлежит рассматривать следующие вопросы: 1) переход на сторону врага, а именно фактическое деятельное участие в карательной политике, проводимой фашистской Германией на оккупированной территории Советского Союза и 2) реакция советского и партийного руководства на сотрудничество населения с фашистскими оккупантами, проявляющееся в различных формах.

Система и основные принципы применения репрессивных мер являлись неотъемлемой составной частью общего карательного механизма Советского государства, сложившемуся к этому времени. Применение наказания допускалось как в судебном, так и внесудебном порядке (например, по постановлениям административных органов). С началом войны разработка мер и практическое привлечение к ответственности военных преступников и их пособников претерпели изменения в процессе реализации.

В отношении пособников гитлеровцев из числа местного населения и пленных красноармейцев, причастных к совершению злодеяний на

оккупированной территории, обычные меры уголовной репрессии стали применяться уже в начальный период войны, как только они попадали в руки советского правосудия. Основные виновники военных преступлений, т.е. их непосредственные организаторы, начали подвергаться таковым лишь с середины 1943г. Таким образом, проблема привлечения к ответственности самих военных преступников из числа иностранных граждан до этого времени не была актуальна.

В начальный период Великой Отечественной войны, когда ее перспективы были еще не ясны, а наиболее насущной являлась задача военного разгрома немецко-фашистских захватчиков, непосредственные виновники злодеяний из их среды ничем не выделялись. Советское руководство выдвинуло перед своим народом и вооруженными силами задачу полного истребления всех немцев до единого, «пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов»[10]. Как указывалось, ни один из них не должен был уйти живым из страны, в которую они нагло вторглись, рассчитывая на свою безнаказанность». Лозунг «Смерть немецким оккупантам!» на этом этапе исчерпывающим образом определял содержание понятия наказания гитлеровских военных преступников, злодеяния которых уже были широко известны. Комментируя данную позицию Советского государства, его органы пропаганды провозглашали: «Под ударами Красной Армии начинается суровая расплата советского народа с немецкими разбойниками за все их преступления. Ни один из них не уйдет от гнева советских людей и от справедливого наказания!»[11]. Необходимо остановиться также и на следующем аспекте данного вопроса. Применение наказания к лицам, совершившим военные преступления, всеми без исключения карательными органами носило характер не только личной, но и общей превенции, цель которой была очевидна.

Согласно советской теории уголовной репрессии, основывавшейся на учении В.И. Ленина и И.В. Сталина, устрашение и террор в отношении «капиталистических элементов и элементов разложения капиталистического

общества» служили средствами подавления их активной борьбы с диктатурой пролетариата[12; 18]. Данные методы, применявшиеся к военным преступникам, относившихся к категории наиболее опасных классовых врагов советской власти, не были одинаковыми на всем протяжении их преследования.

Идеологизация советской системы, в том числе и правовой, особую актуализацию приобрело в уголовном законодательстве, содержащем прямые указания на этот счет.

В частности, ст. 5 Указа от 19 апреля 1943 г. предписывала повешение осужденных производить публично, при народе, а их тела оставлять на виселице в течение нескольких дней, «чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершит насилие и расправу над гражданским населением, кто предаёт свою Родину». Несмотря на то, что указанные мотивы примешивались к целям, которые преследовали меры наказания военных преступников, следует отметить, что основная цель наказания, согласно ст. 10 УК РСФСР, определялась не мезтью, как огульной безотчетной карой, а справедливым возмездием, предполагавшим вину лиц, совершивших злодеяния на оккупированной территории.

Одними из первых к практическим мероприятиям по борьбе с военными преступниками и их пособниками непосредственно на оккупированной территории СССР приступили подразделения особого назначения органов внутренних дел и госбезопасности, организация и деятельность которых уже рассматривалась российскими исследователями. Прошедшие специальную подготовку, бойцы и командиры в ходе десантных операций в тылу противника, действуя подразделениями, мелкими группами и индивидуально, занимались выявлением и ликвидацией организаторов и исполнителей массовых злодеяний в отношении советских граждан на оккупированной территории. За время 4-х летней боевой деятельности было ликвидировано 87 высокопоставленных немецких чиновников, повинных в организации и осуществлении массовых злодеяний на оккупированной территории, а также 2045 их пособников.[13; 517-521]

Активную деятельность по борьбе с военными преступниками и их пособниками из числа участников антисоветских вооруженных формирований («РОА», казачьих частей, национальных легионов и т.д.) развернули органы контрразведки. Непосредственно за линией фронта при помощи своей агентуры они фиксировали факты совершенных ими злодеяний и устанавливали виновников последних. Они целенаправленно разлагали личный состав указанных частей и подразделений, уничтожали их командиров.

Уже в ходе первых наступательных боев, развернувшихся в 1941 - 1942 гг., перед органами военной юстиции и особыми отделами НКВД СССР встала задача по очистке освобожденной от немецко-фашистских захватчиков территории от «продажных контрреволюционных элементов, людей вставших на путь предательства, пошедших на услуги врагу».

В годы войны многие выявленные гитлеровские пособники, особенно на первых порах, расстреливались военнослужащими наступающих частей Красной Армии, а также сотрудниками их особых отделов без какого либо разбирательства. Об этом свидетельствует немало архивных источников.

Следует отметить, что в экстремальных условиях военного времени подобные проявления были официально легализованы, причем на самом высоком уровне. Так, органы контрразведки широко пользовались предоставленным им вышеупомянутым постановлением ГКО от 17 июля 1941г. правом расстрела на месте дезертиров, а также использования с этой целью отрядов из войск НКВД СССР. В местностях, объявленных на осадном положении, Президиумом Верховного Совета СССР военным властям предоставлялось право издавать распоряжения о применении оружия и расстреле на месте без следствия и суда любых агентов врага.

Для раскрытия и расследования дел о военных преступлениях были созданы и усилены специальные органы – оперативно-следственные, например «СМЕРШ» и судебные – военно-полевые суды. Дела данной категории также рассматривались внесудебными органами, наделявшимися судебными

функциями (Особым совещанием при НКВД СССР, МВД СССР, МГБ СССР и др.).

Согласно приказу Прокурора СССР «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом» от 15 мая 1942г., советские граждане, перешедшие на службу к оккупантам, а также выполнявшие указания немецкой администрации по сбору продовольствия, фуража и вещей для германской армии; провокаторы, доносчики, уличенные в выдаче партизан, коммунистов, комсомольцев, советских работников и их семей; участвовавшие в деятельности карательных органов немцев, подлежали ответственности по ст. 58-1 «а» УК РСФСР.

Указом от 19 апреля 1943г. подобные лица окончательно были причислены к субъектам ответственности за военные преступления: за совершение убийств и истязаний гражданского населения, согласно его ст. 1 они подлежали преследованию наравне с гитлеровцами. Ст. 2 Указа целиком посвящалась пособникам из представителей местного населения, уличенным в оказании содействия фашистским злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами и вводила для них кару в виде ссылки на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет.

По мнению специалистов, Указ от 19 апреля 1943 г., предусматривавший для военных преступников и их пособников такие меры наказания как смертная казнь через повешение и ссылка на каторжные работы, дал в руки советского правосудия самое действенное оружие борьбы с ними во время войны, а также их сурового наказания после ее окончания[14; 55].

Согласно разъяснениям руководящих органов военной юстиции для квалификации деяний военных преступников и их пособников, подсудных военно-полевым судам, было вполне достаточно ст.ст. 1 или 2 Указа от 19 апреля 1943г. Дополнительного применения иных статей Уголовного кодекса при этом не требовалось.

Пленум Верховного Суда СССР 25 ноября 1943 г. счел необходимым дать разъяснения по поводу применения Указа от 19 апреля 1943 г., проводя различие между изменниками Родины и пособниками гитлеровцев следующим образом:

– советские граждане, которые в период оккупации служили у немцев в органах гестапо или на ответственных административных должностях (бургомистры, начальники полиции, коменданты и т.д.); выдавали или преследовали партизан, красноармейцев, советских активистов или членов их семей; принимали непосредственное участие в убийствах, насилиях над населением, грабежах и истреблении имущества, подлежали ответственности за измену Родине по ст. 58-1 2 «а» УК РСФСР, а в случаях, предусмотренных Указом от 19 апреля 1943 г., – по его первой статье;

– лица, выполнявшие задания оккупантов по сбору фуража, продуктов и вещей, оказывавшие им иное активное содействие при отсутствии в их действиях признаков, указанных в ст. 1 Указа, подлежали ответственности как пособники по ст. 58-3 УК, а в надлежащих случаях – по ст. 2 Указа.

Таким образом, военные преступники и их пособники из числа советских граждан, в зависимости от тяжести содеянного ими, были дифференцированы на две большие группы. Это позволило более глубоко учитывать степень их вины при назначении наказания. При этом пособничество советских граждан военным преступникам, подпадающее под признаки ст. 2 Указа от 19 апреля 1943 г. (в отличие от их соотечественников, деяния которых были предусмотрены его ст. 1 как измена Родине и, следовательно, как государственное преступление не рассматривалось.

Уголовную ответственность военных преступников и их пособников из числа советских граждан как изменников Родины определяли пп. «а» и «б» ст. 58-1 УК РСФСР, предусматривавшие для них кару в виде смертной казни через расстрел или лишение свободы на срок до 25 лет. Как следовало из официального толкования указанной нормы в комментариях к УК РСФСР, в

условиях Великой Отечественной войны измена Родине являлась самым тяжким и «самым гнусным» преступлением.

В целом измена Родине выражалась в переходе на сторону врага. Официальные комментарии к УК РСФСР при этом конкретизировали изменнические действия как действия лиц, оказывающих пособничество немецким оккупантам при совершении ими насилий и грабежей на временно захваченной территории. Общим признаком измены Родине являлось оказание помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности против Советского Союза в военное время.

Подобные действия могли выражаться в поступлении на службу в вооруженные силы противника; вступлении в контакт с военными или гражданскими властями противника на временно оккупированной территории; службе во вражеских карательных органах; выслеживании и выдаче советских патриотов, партизан и советских военнослужащих; участии на стороне противника в карательных операциях и массовых злодеяниях против мирного населения и пленных. Переход на сторону врага считался окончательным преступлением с момента вступления в контакт с гитлеровцами для совершения практических действий по оказанию им помощи.

В силу принципа коллективной ответственности за военные преступления, к числу ее субъектов относились члены семей осужденных. Ч. 2 ст. 58-1/в УК РСФСР прямо предусматривала объективное вменение для членов семьи военнослужащего, совершившего переход на сторону врага и принявшего участие в его злодеяниях. Данному вопросу было посвящено Постановление ГКО «О членах семей изменников Родины» от 24 июня 1942 г. Им устанавливалось, что совершеннолетние члены семей как военнослужащих, так (и гражданских лиц, которым судебными органами или ОСО по пп. «а» и «б» ст. 58-1 УК РСФСР была назначена высшая мера наказания, в том числе за предательство или содействие немецким оккупантам, службу в их карательных или административных органах и даже за попытку к этому, подлежали аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок в 5 лет. К членам семей

причислялись отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с ними или находились на их иждивении. Постановление ГКО содержало специальную оговорку: в случае если после проведения надлежащей проверки в составе семьи изменника Родины будет установлено наличие военнослужащих Красной Армии, партизан, лиц, оказывавших в период оккупации содействие Красной Армии и партизанам, а также награжденных орденами и медалями Советского Союза, то такие семьи аресту и ссылке не подлежали.

В рамках коллективной ответственности по делам о военных преступлениях, большое распространение получила внесудебная карательная практика по решениям административных органов. На первом этапе войны, когда гитлеровские военные преступники и их пособники в большинстве случаев были вне досягаемости советских карательных органов, единственной возможностью для их преследования оказалась организация и проведение диверсионно-террористических актов, направленных на физическое уничтожение указанных лиц.

Большое распространение получили казни виновников злодеяний на оккупированной территории, совершавшиеся по «приговорам» многочисленных партизанских судов, которые действовали во вражеском тылу. Разумеется, подобные проявления ничего общего с судопроизводством и даже деятельностью внесудебных органов не имели. Их следует расценивать как одну из форм партизанской войны. Тем не менее, партизаны не ограничивались простым уничтожением гитлеровцев и предателей, повинных в грабежах и истреблении мирных советских граждан и пленных красноармейцев. Суды, члены которых специально избирались партизанами и окрестным населением, признавали только одну меру наказания – смертную казнь. Они создавались и действовали не формально, а по существу, имитируя соответствующие процессуальные действия и документы.

К числу внесудебных репрессий, осуществлявшихся по решению административных органов, следует отнести меры, принимавшиеся к членам

семей изменников Родины, осужденных за предательство или содействие немецким оккупантам, службу в их карательных или административных органах по пп. «а» и «б» ст. 58-1 УК РСФСР к высшей мере наказания. Согласно постановлению ГКО СССР от 24 июня 1942 г., они подлежали аресту и ссылке в отдаленные местности СССР сроком на 5 лет.

Такой мере наказания подвергались члены семей военных преступников, ушедших с отступавшими войсками вермахта и заочно приговоренных к высшей мере наказания. Исполнение наказаний в отношении членов семей указанных лиц возлагалось на учетно-регистрационные подразделения НКВД СССР. Основанием для этого служили приговоры судебных органов или решения Особого совещания при НКВД СССР в отношении военных преступников и их пособников. Согласно указанию Главного военного прокурора от 24 сентября 1942 г., в случае отсутствия данных документов, основанием заведения учетных дел для репрессирования членов семей изменников Родины также могли быть акты или справки командования воинского соединения, сельсовета, райисполкома или горсовета о расстреле изменника; заключение местного органа НКВД СССР или особого отдела воинского соединения, либо заключение соответствующего прокурора с подтверждением факта расстрела. Во всех случаях подобные акты должны были сопровождаться свидетельскими показаниями, подтверждавшими предательскую деятельность изменника.

11 октября 1943г. в совместном распоряжении НКВД СССР и НКГБ СССР последовали новые разъяснения, призванные пресечь имевшие место случаи необоснованных репрессий в отношении советских граждан, обвиненных в пособничестве гитлеровцам[15]. С этого времени по делам данной категории аресту и привлечению к ответственности в прежнем порядке подлежали лишь лица следующих категорий:

а) руководящий и командный состав полиции, «Народной стражи», «Народной милиции», «РОА», «Национальных легионов» и аналогичных

структур, созданных немецко-фашистскими захватчиками на оккупированной территории;

б) их рядовой состав, принимавший участие в карательных экспедициях против партизан и советских патриотов, проявлявших активность при исполнении обязанностей, возложенных на них оккупационной администрацией и командованием вермахта;

в) перешедшие на сторону немцев бывшие военнослужащие Красной Армии, принимавшие участие в перечисленных формированиях;

г) бургомистры и другие крупные чиновники созданного гитлеровцами в захваченных советских городах административно-хозяйственного аппарата, гласные и негласные сотрудники гестапо, других карательных и разведывательных органов противника;

д) сельские старосты, уличенные в активном пособничестве оккупантам в связи с вражескими карательными или разведывательными органами, выдаче оккупантам советских патриотов, притеснении населения, поборках и т.д.

Аресту не подлежали лица, помогавшие партизанам, бежавшим из плена или выходившим из окружения советским военнослужащим, местному населению и саботировавшие мероприятия оккупационных властей. Пособники гитлеровцев непризывного возраста аресту также не подлежали, но ставились органами НКГБ СССР на оперативный учет и подвергались агентурному наблюдению.

В целом следует отметить, что для успешного развития коллаборационизма на Кубани отсутствовала позитивная программа, а идеи строительства «нового порядка без большевиков» на независимой национальной основе отвергались германским руководством. Поэтому все попытки создания прочной социальной опоры режиму не имели никаких перспектив. А подъем сопротивления и поражения вермахта на фронте заставляли задуматься даже получивших надежду (после нападения Германии на СССР) активных противников советской власти о личной целесообразности дальнейшего сотрудничества с оккупантами.

Коллаборационизм в целом прекратил свое существование с поражением гитлеровской Германии. За редким исключением «идейность» борьбы с Советской властью прекратила свое существование в это же время.

По Ялтинским соглашениям в СССР были возвращены и сдавшиеся в плен западным союзникам казаки Панвица и Доманова. Кроме того, союзники передали СССР и ряд белоэмигрантов, на которых формально требование о репатриации не распространялось. Так, был передан офицерский состав казачьего корпуса, состоявший в основном из эмигрантов. Здесь же оказались своего рода «идейные вдохновители» корпуса, бывшие белые генералы П.Н. Краснов и А.Г. Шкуро, хотя они не только никогда не были гражданами СССР, но даже не занимали в корпусе каких-либо командных постов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земсков В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР//Социологические исследования. – 1995. - №9.
2. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов// Судьбы российского крестьянства. – М., 1995.
3. Солонин М. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 512 с.
4. Кринко Е. Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942-1943 гг.). -Майкоп, 2000. С.135.
5. См.: Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века. Краснодар, 1993. С. 94.; Кропачев С. Большой террор на Кубани. Краснодар, 1993. С.13.
6. Конквест Р. Жертва скорби. Реестр смерти // Вопросы истории. 1990. №4.
7. Коллаборационизм на территории Краснодарского края в период немецкой оккупации (1942 – 1943 гг): малоизвестные страницы // Сборник документов. Авт. предисл. и авт.-сост. А.А. Черкасов. – Сочи: Сочинский гос. Ун-т туризма и курортного дела, 2003.

8. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000.

9. Куценко И.Я. Кубанское казачество. – Краснодар, Кн. Изд-во, 1993.

10. Правда. 1941. 7 ноября.

11. Правда. 1941. 8 декабря.

12. Советская уголовная репрессия. Очерки советской уголовной политики (под ред. Н.В. Крыленко). М., 1934.

13. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. Документы и материалы. М., 1975.

14. Глебов Б. Военные преступники перед советским судом. // Советское государство и право. 1946. № 3 – 4.

18. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1/а. Д. 154. Л. 164-165.

REFERENCES

1. Zemskov V.N. K voprosu o mashtabah repressiy v SSSR// Sociologicheskie issledovaniya. – 1995/ - №9.

2. Ivnitkiy N.A. Kollektivizatciya i raskulachivanie v nachale 30-h godov// sudby rossiyskogo krestyanstva. – М., 1995.

3. Solonin M. 22 iunya, ili Kogda nachalas Velikaya Otechestvennaya voina – М.: Yauza, Aksmo, 2007.– 512 p.

4. Krinko E.F. Jizn za liniey fronta: Kuban v okkupacii (1942-1943 gg). – Майкоп, 2000.

5. Sm: Alekseenko I.I. Repressii na Kubani i Severnom Kavkaze v 30-e gg. XX veka. Krasnodar, 1993. P. 94; Kropachev S. Bolshoi terror na Kubani. Krasnodar, 1993.

6. Konkvest R. Jertva skorbi. Reestr smerti // Voprosy istorii. 1990. № 4. P.86.

7. Kollaboracionizm na territorii Krasnodarskogo kraja d period nemetckoy okkupacii (1942 – 1943 gg.): maloizvestnye stranitcy // Sbornik dokumentov. Avt. predisloviya b avt.-sost. A.A. Cherkasov. – Sochi: Sochinskiy gos. Un-t turizma i kurortnogo dela, 2003.

8. Semiryaga M.I. Kollaboracionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya d gody Vtoroy mirovoy voiny. M., 2000. – P.101.

9 Kutcenko I.Ya. Kubanskoye kazachestvo. – Krasnodar, Kn. Izd-vo, 1993.

10. Pravda. 1941. 7 noyabrya.

11. Pravda. 1941. 8 noyabrya.

12. Sovetskaya ugolovnaya repressiya. Ocherki sovetskoy ugolovnoy politiki (pod red. N.V. Krylenko). M., 1934.

13. Vnutrennie vojska v Velikoy Otechestvennoy vojne 1941 - 1945. Dokumenty i materialy. M., 1975.

14. Glebov B. Voennye prestupniki pered sovetskim sudom. // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1946. № 3 – 4.

15. GA RF. F. 9401.Op. 1/a. D. 154. L.164-165.

*POLITICAL-LEGAL ASPECT OF RESPONSIBILITY FOR COLLABORATION
WITH THE ENEMY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR*

S.G. STEPANENKO

*Kuban State Technological University,
2, Moskovskaya st., Krasnodar, Russian Federation, 350072
e-mail: stepik71@mail.ru*

In article one of collaboration problems in days of the Great Patriotic War, namely a question of accountability of helpers of war criminals from among local population is considered. The attention to some of aspects of pre-war development of our country, undoubtedly affected on the subsequent military and post-war years is paid. The politicization of prosecution for war crimes and complicity in them, ambiguity of a position of the Soviet management to realization of responsibility at different stages of war is noted. The general characteristic of the measures undertaken by the Soviet and party management, military command and other structures for identification and accountability of Hitlerite war criminals and their helpers by both extrajudicial bodies, and the organization and carrying out public indicative trials is given.

Key words: war criminals and their helpers, treason to the Homeland, collective responsibility for crimes, extrajudicial repressions, indicative trials.